

XXXI

V округ

Но, может быть, те, с кем я сталкивался с того момента, как вступил в битву с жизнью, – может быть, они будут рады в этот решительный момент увидеть в своих рядах меня, их старого товарища по нищете и труду, беднягу, который так долго шатался в потертом пиджаке по аллеям Люксембургского сада?

Этот Латинский квартал, где томилась моя скорбная юность, если и поставлял бойцов для социальных войн, то главным образом в лагерь угнетателей. Потомки Прюдома всегда старались увильнуть от битв, где их пальто могла задеть рабочая блуза, где мастер баррикады мог прикрикнуть на бакалавров, если бы они помешали маневрам или стрельбе.

Кто знает, не будут ли они более решительны, имея во главе одного из своих же!

Я побежал в ратушу.

– Приложи-ка сюда печать, Гамбон!

– Прекрасная идея! Там, вокруг Сорбонны, они все тебя знают. Только, если не ошибаюсь, ты не в ладах с Режером?[199] Впрочем, вот твоя бумага... А теперь обними меня! Кто знает, что может случиться.

Он обнял меня, подписав как член Комитета общественного спасения мое назначение председателем комиссии по обороне, заседающей в Пантеоне.

Я не очень-то силен в стратегии. Как нужно укреплять квартал? Как ставят орудия на батарее?

Разве интеллигент что-нибудь понимает в этом?

Проходя мимо коллежей Сен-Барб и Луи-ле-Гран, я пригрозил им кулаком. Школьник с седеющими усами, я проклинал эти казармы, не научившие меня ничему, что пригодилось бы мне сейчас в борьбе с войсками.

Режер принадлежал к «большинству» и был одним из наиболее горячих. Мы все-таки поздоровались. Но он хочет сохранить за собой командование... все командование.

Ну что ж, спрячь в карман свою бумажку, Жак. Напомни старым товарищам только о своем прошлом, о днях нищеты и тюрьмы, о том, как ты с ними работал в библиотеке, вместе разгуливал по Одеону.

Многих из них я встретил на улице. Одни бежали, искали, где бы спрятаться, другие храбро взялись за дело.

Мне пришлось подписать целую кучу назначений в делегаты, на основании моего полномочия, которое я вытащил, все измятое, из своего жилетного кармана.

Такие бумажонки нужны для двадцатилетних честолюбцев. Они готовы быть расстрелянными вечером, лишь бы иметь возможность похвастаться утром офицерским свидетельством.

Однако они сразу же принялись за работу; нагромождали тюфяки, доставляли провизию и амуницию и подвергали себя смертельной опасности.

Это-то как раз и нужно!

Если завтра некоторые из этих папенькиных сынков будут убиты или сосланы, – это бросит семена восстания на буржуазную почву.

Я делаюсь полноправным членом отряда, расположившегося вокруг Пантеона. Мало хорошего говорят здесь о Коммуне.

– Если б она была более энергична!

– И если б вы, Вентра, не усыпляли народ вашей умеренной газетой, – горячится один лейтенант, чуть не хватая меня за горло.

В этом отряде не любят «меньшинства».

Выстрел!

– Черт подери, придется класть заплату на пальто! Еще немного пониже, – пришлось бы зашивать и кожу.

Разрядился чей-то пистолет... нечаянно.

Мы помирились.

Злоба затихает перед лицом приближающегося врага.

Он уже на Монпарнасском вокзале.

Нападет ли он на наш квартал?

– А что, если мы нападём на него первые?

Эта мысль была высказана вечером, на совещании командиров, одним из прежних товарищей, тоже литератором, но не признающим классической стратегии и баррикадных боев.

– Двинемся вперед и выбьем их!

– Это безумие! – возражают единодушно бывшие солдаты.

Да. Но, во всяком случае, безумие смелых, оно может привести в замешательство противника и едва ли будет опаснее пассивного сопротивления.

Но мы с товарищем остаемся одни с нашим безумным проектом и клянемся идти бок о бок до конца, чего бы это ни стоило.

– Обещайте прикончить меня, если я буду тяжело ранен.

– Согласен, но с условием, что вы окажете мне ту же услугу, если почин сделаю я.

– Идет!

Я чертовски боюсь физических страданий и из чувства малодушия предпочту смерть, хотя, конечно, не особенно весело умереть где-нибудь под забором от руки своего товарища.

– А по-вашему, приятнее быть проколотым штыком?

– Проколотым!..

– Дорогой мой, эта солдатня, если б она могла, искромсала бы нас на куски уже тогда, когда мы проповедовали войну до победного конца. На этот раз они острием своих сабель выколют нам глаза: ведь это из-за нас их вытащили из родных деревень.

Ко мне подходит один из бойцов.

– Гражданин, не хотите ли взглянуть, как выглядит труп предателя?

– Кого-нибудь казнили?

– Да, булочника, он сначала отрицал, а потом сознался во всем.

Федерат заметил, как я побледнел.

– Вы, может быть, стояли бы за его оправдание! Неужели вы не понимаете, черт возьми, что, разбивая голову одному иуде, спасаешь жизнь тысяче своих? Меня приводит в ужас вид крови, а между тем мои руки залиты ею: он уцепился за меня, когда я приканчивал его. Но ведь если никто не будет убивать шпионов, что же тогда?

В спор вмешивается еще один.

– Не в этом дело! Вы хотите сохранить чистенькими ваши ручки на случай суда или для потомства. Это нам, народу, рабочим, достается всегда черная работа... чтобы нас же потом оплевывали. Не так ли?

Этот разъяренный человек сказал правду.

Да, мы хотим войти незапятнанными в историю, хотим, чтобы наше имя не было связано с кровавым удобрением боен.

Признайся в этом, Вентра. И не очень-то гордись бледностью, покрывшей твое лицо перед трупом расстрелянного булочника!

Вторник, 5 часов утра

Сражение началось со стороны Пантеона.

Какое печальное зрелище являет собой под лучами восходящего солнца вереница носилок, залитых пурпуром человеческой крови! Это несут на перевязочные пункты раненых с улицы Вавен и бульвара Араго.

Я провел эту ночь, так же как и предыдущую, в одном из закоулков мэрии, по соседству с мертвецом.

Булочник лежит там, за досками, и окровавленные клочья соломы, служащей ему подстилкой, добрались по сточной канавке до самых моих ног.

На рассвете меня разбудили, и я отправился к баррикадам.

Но по дороге меня останавливали командиры и капитаны, хватали за руки, за полы, требуя припасов, хлеба, совета... и даже речей.

Некоторые угрожали:

– И после этого Коммуна смеет еще поднимать голос!

Я окончательно теряюсь. И никого подле меня, кто надоумил бы, поддержал, разделил со мной это бремя. Из членов Коммуны, избранных нашим кварталом, я видел пока только Режера, – но его со всех сторон осаждали, и к тому же он был слишком поглощен делами муниципалитета, – да Журда, который показался всего лишь на минутку, так как у него тоже немало ответственных дел.

В его ведении находятся последние эцю, чтобы питать восстание и расплачиваться за съестные припасы, которых так громко требуют наиболее решительные. В довершение всего его министерство горит от версальских ядер.

И я один.

Время от времени меня подталкивают к стене какого-нибудь дома и совещаются, не покончить ли со мной.

Эльзасец Вюрц, следовательно, состоящий при Ферре, только что спас меня от этой блестящей перспективы.

– Вы не Вентра!

Собирается толпа.

– Шпион! Прикончить его!

– В мэрию! В мэрию!

– Зачем в мэрию? Вон там, у забора!

– Жак Вентра с бородой. Вы не Жак Вентра!

– К стенке его! К стенке!

Эта стена является передним фасадом одного кафе на улице Суффло.

Я попробовал было объяснить.

– Да поймите вы, черт возьми, что после того как я удрал из Шерш-Миди, я начал бриться!..

Несмотря ни на что, меня, наверно, прикончили бы, если б Вюрц не бросился в разъяренную толпу.

– Что вы собираетесь делать?

Если не узнали меня, зато хорошо знают его. Он клянется, что я имею право называться своим именем.

– Простите, гражданин, извините!

Я отряхиваюсь, как мокрая собачонка, и мы отправляемся всей компанией выпить по стаканчику.

Теперь, когда они уже не сомневаются в том, что я – Вентра, я становлюсь пленником всех этих вновь прибывающих батальонов. Их офицеры стараются насесть на меня, прижать главного редактора «Крика народа», единственного носителя алого шарфа в этом округе.

И они взваливают на меня всякие мелочи, душат меня ими. Обращаются ко мне по всякому поводу и без всякого повода.

С тех пор как началась борьба, у меня едва нашлось время пойти взглянуть, как идет защита. Несколько раз я собирался пробраться туда, где как бешеные отбивались Лисбон и Анри Боэр.

Но каждый раз меня задерживали, окликали, возвращали и чаще всего потому, что возникало подозрение в предательстве и кто-нибудь уже бился в руках этих недоверчивых и раздраженных людей, требовавших немедленного и упрощенного суда.

Однако, насколько мне известно, не было ни одного убитого, за исключением булочника. Правда, поговаривали, что на каком-то дворе расстреляли командира Павиа, не поднимая шума, из опасения, как бы я не спас его; но никто не видел его трупа.

Эстафета: «Улица Вавен просит подкрепления».

Барабан призывает «Детей отца Дюшена»[200] на помощь попавшей в беду баррикаде.

Они не заставляют просить себя дважды.

– Пусть нас ведет Вермерш! – раздается со всех сторон.

Но Вермерша нет на месте.

– Ах, уж эти писаки, журналисты!.. Прячутся по погребам, когда нужно сражаться!

– Вам угодно журналиста? Я к вашим услугам!

– В путь!

Бьет барабан. Я иду рядом с ним, и его дробь отдается в моем сердце; моя человеческая кожа трепещет, как и его ослиная.

На полдороге меня тянут к себе сбежавшиеся на шум люди.

– Вы должны пойти... у версальцев есть сторонники, тайно работающие в мэрии шестого округа; они действуют заодно с инженерными войсками, занявшими Монпарнас. Моя фамилия Сальватор; вы должны знать меня по выступлениям в клубе Медицинской школы. Поверьте мне и идите с нами... Вашу работу на перекрестке Бреа может выполнить любой человек, тогда как в Сен-Сюльпис вас, несомненно, послушают.

– Ступайте, если это необходимо, – говорит мне сам капитан «Детей отца Дюшена».

Здесь и в самом деле идет горячий спор, чуть ли не драка.

Я стараюсь разобраться в происходящем.

Но вот является Варлен – идол квартала, – и перед ним все внезапно смолкает.

Я свободен!

Нет еще, не совсем. Меня разыскивает командир батальона, расположившегося в V округе.

– Вентра, не подниметесь ли вы опять наверх? – говорит он, едва заметив меня. – Поговаривают о том, чтобы взорвать Пантеон.

– Иду.

Штук двенадцать снарядов разрываются около фонтана Сеи-Сюльпис, бросая нам под ноги зловонные осколки.

За занавеской вырисовывается профиль священника. Если идущие со мной федераты заметят его, – он погиб!

Нет! Они не видели его... Скорее, мимо!

Мрачна и пустынна эта улица, – только куски чугуна несутся впереди и позади нас, точно крысы, бегущие в сточные канавы.

Дома заколочены. Их фасады с закрытыми ставнями – словно огромные слепые лица.

На углу настоящий слепой, с собачонкой у ног, жалобно просит:

– Подайте милостыньку!

Я знаю его вот уже тридцать лет. Когда он появился здесь впервые, его волосы были черны, а теперь у него седая голова. Мне кажется, что он стоял на этом самом месте 3 декабря 1851 года, когда Ранк, Артур Арну и я пришли захватить эту самую мэрию, где сидят сейчас наши вперемешку с изменниками.

Еще одна бомба, – и новые чугунные осколки, горячие и скверно пахнущие.

– Подайте милостыньку, господа!

Ты, нищий, не выпускающий из рук своей деревянной чашки даже под ядрами, автомат, олицетворяющий беспомощность, – ты вместе с тем обладаешь бесстрашием героя! Твой гортанный крик, выделяющийся своей монотонностью среди человеческого урагана, неумолимо звучит в этой беспощадной борьбе.

Вот он там, у церковной колонны, как статуя, – статуя Нemoщности и Нищеты, – стоит среди народа, который мечтал излечить язвы и уничтожить нищету.

Ему подают. Люди, идущие сражаться, бросают мелкую монету, а сами выпрашивают патроны.

– Спасибо, добрые господа!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:48:58

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:50:30